

ЗОНЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ*

К. М. Труевцев

В данной статье рассматриваются пять конфликтных зон, которые представляется возможным выделить в современном мире. Среди них Ближний Восток является наиболее опасным, но не единственным регионом конфликта. Второй зоной потенциальной опасности, все более грозящей превратиться в реальную, является регион Северной Африки, включающий арабские страны этого континента, – от Египта и Судана на востоке до Марокко, Западной Сахары и Мавритании на западе. Третьей зоной конфликта является регион, расположенный к югу от Сахары. Четвертой зоной выступает афгано-пакистанский регион с эпицентром в районе Вазиристана, расположенным по обе стороны линии Дюранда, обозначающей официально установленную, но практически не контролируемую никем, кроме воинственных пуштунских племен, напрямую связанных с «Талибаном» и «Аль-Каидой», границу. Наконец, пятой зоной конфликта стал в последнее время Тихоокеанский регион в связи с обострившимися пограничными конфликтами, связанными главным образом с районами спорных островов, между Китаем и практически всеми его соседями, расположенными вдоль побережья Тихого океана, – Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Вьетнамом.

Само по себе явление региональной нестабильности вряд ли является чем-то новым. Зоны политической нестабильности были частью политического процесса на протяжении практически всей человеческой истории.

В преддверии Первой мировой войны наиболее ярким проявлением политической нестабильности в Европе было положение на Балканском полуострове – до такой степени, что слово «Балканы» стало нарицательным. Вероятно, это, в частности, побудило З. Бжезинского, выявившего в свое время «дугу нестабильности», про-

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

стирающуюся от западной части Индостанского полуострова до юго-восточной оконечности Европы, в последних своих четырех книгах называть эту зону «мировыми Балканами».

Казалось бы, и в этом отношении вряд ли можно было выявить что-то принципиально новое. Однако события 2011–2013 гг. внесли совершенно новые аспекты в ситуацию в этих политически нестабильных регионах, более того, они не только расширили ареал политической нестабильности, но и грозят превратить не один, а целый ряд регионов мира в эпицентры перманентных конфликтов.

Этим событиям, получившим уже достаточно устоявшееся название «арабской весны», посвящено уже столь значительное число публикаций (см., например: Коротаев и др. 2012; 2013), что на первый взгляд может показаться, будто этот процесс изучен до малейших подробностей. Это, однако, не так. Многие аспекты данного процесса и особенно его последствий по-прежнему нуждаются в пристальном внимании и скрупулезном анализе, особенно с точки зрения ближайших и более отдаленных последствий этих событий, причем не только в локальном, региональном, но и в глобальном масштабе.

Прежде всего стоит напомнить, что «арабская весна» была не изолированным явлением, а кульминационной точкой мировой турбулентности, охватившей в целом 84 страны (см.: Труевцев 2011: 3–4; 2012: 21–23). Эта политическая турбулентность, связанная с новым этапом процесса глобализации, отнюдь не завершилась в 2011 г., а принимает иные формы, впрочем, продолжая развитие и ряда тенденций, выявленных в ходе упомянутых событий.

В этой связи в конце концов не столь важно, назовем ли мы события позапрошлого года новой волной демократизации или как-то иначе, хотя демократический элемент в них, несомненно, был, и он выразился не только в направленности против авторитарных режимов в арабских странах (причем далеко не только там, где такие режимы были свергнуты), но и в массовых выступлениях против коррупции в Индии, и в противостоянии с финансовой олигархией Уолл-стрит в США, и в волнениях в Китае, и в многотысячных манифестациях в странах Южной Европы против действий брюссельской бюрократии, и в демонстрациях и митингах на Болотной площади и проспекте Сахарова в Москве.

Вторым моментом, связанным с нынешним этапом глобализации, стала роль социальных сетей в обеспечении критической мас-

сы выступающих, обеспечивавшей во всех случаях успех выступления (а в египетском и тунисском случаях – восстания) против существующих порядков. Об этом тоже уже написано довольно много материалов, в том числе и мной в упомянутых публикациях, однако появившиеся позже свидетельства заставляют более пристально проанализировать этот аспект политического процесса в арабских (и других) странах. Среди таких свидетельств важное место занимает книга координатора Google в Египте Ваэля Гонима «Революция 2.0» (Гоним 2012), того самого блогера, который создал в Facebook страницу «Куллина Халед Саид» («Все мы – Халеды Саиды»), посвященную рядовому гражданину Египта, зверски замученному и убитому полицией. Эта книга прежде всего примечательна тем, что в ней пошагово показывается накопление критической массы противников режима сначала в виртуальном пространстве Интернета, а затем процесс перехода этого виртуального протеста в реальное накопление критической массы выступающих против режима уже на улицах египетских городов.

Это обстоятельство заставляет обратить внимание на фундаментальную роль социальных сетей как наиболее современного, оперативного и эффективного канала массовой коммуникации, овладение которым имеет историческое сходство с овладением коммуникациями индустриального века для успеха вооруженного восстания или государственного переворота прошедшего периода (см. ленинский план вооруженного восстания: Ленин 1967: 242–247), с той, однако, разницей, что объекты коммуникации индустриальной эпохи носили пассивный характер, в то время как Интернет и социальные сети носят интерактивный характер, обладая свойствами ускорения и усиления мобилизации населения на активные политические действия.

Результатом интерактивной мобилизации протестных масс в Египте в январе 2011 г. стало то, что была не только в корне подорвана монополия авторитарной власти на становящиеся уже традиционными средства массовой коммуникации (телевидение, радио, периодические печатные издания), но произведенный овладением интерактивными средствами опережающий эффект мобилизации фактически парализовал возможность адекватных действий правящего режима и толкнул его в воронку катастрофы¹.

¹ Один из наиболее распространенных сценариев концепции катастроф предполагает попадание объекта на край воронки с вращающимся эпицентром, и тогда

Кстати говоря, этот сценарий развития событий, кажется, начинает повторяться в Египте уже летом 2013 г.: во всяком случае, противникам режима «Братьев-мусульман» удалось мобилизовать массы своих сторонников гораздо эффективнее, чем избранному от исламистов президенту, что фактически вызвало паралич режима, а затем и его устранение поддержавшей противников исламистского президента М. Мурси армией.

Еще одним важным уроком политического процесса, продолжающегося развиваться на Ближнем Востоке, в Северной Африке и регионах, соседних с Арабским миром, стало то, что этот политический процесс развивается вовсе не по сценариям, написанным где-либо извне. В этой связи чрезвычайно важно отметить, что выводы относительно смены парадигмы панарабизма исламистской парадигмой как ведущей силой и главным вектором политических изменений оказались по меньшей мере преждевременными.

Разумеется, стало уже историческим фактом, что арабский национализм, как и предшествовавший ему турецкий, исчерпал себя, а выстроенные на его основе популистские режимы со временем выродились в политически неэффективные и погрязшие в коррупции диктатуры.

Вместе с тем вряд ли следует забывать и о том, что арабский национализм (как и предшествовавший ему кемалистский в Турции) сыграл историческую роль национально консолидирующей силы, на основе которой оказалась возможной модернизация, выведшая эти страны на относительно высокий уровень экономического и социально-политического развития. Но, как это довольно часто бывает в истории, именно достижение такого уровня и привело в конечном итоге к исчерпанности данной политической (или, если угодно, идейно-политической) модели.

Однако вопрос о том, сможет ли исторический антипод турецкого и арабского национализма – панисламизм – стать его полноценной заменой в качестве идейной платформы дальнейшего вектора политического развития, кажется, близок к своему разрешению.

Как видно из уже упомянутой книги Ваэля Гонима, революционная молодежь Египта видела в «Братьях-мусульманах» часть освободительного демократического движения и сама стремилась ус-

тановить с ними контакт, вовлечь их в процесс противостояния диктатуре (Гоним 2012). Нечто подобное происходило чуть ранее и в Тунисе, когда исламисты, возглавляемые М. Ганнуши, влились на первых порах в качестве довольно органической части в общее освободительное движение.

Но довольно скоро стало выясняться, что что-то идет не так. Это в первую очередь проявилось в Ливии, где противостояние приняло прямо-таки зверский характер, причем со стороны не только режима, но и его противников. Ливийские исламистские и племенные группировки, противоборствовавшие режиму М. Каддафи, оказались весьма далеки от идеалов просвещенного, умеренного исламизма. Началось все с чудовищных убийств бывшего лидера страны, ряда его соратников и членов семьи, а закончилось убийством американского посла, фактическим распадом страны и распространением терроризма на территории сопредельных государств.

Не так пошло и в Сирии, где один из секторов оппозиции, в основном ее левая и курдская часть, готов был пойти на переговоры с режимом, а часть либерально-демократической оппозиции оказалась заложником радикальных исламистских сил и таких режимов, как Саудовская Аравия и Катар, которые никак не укладываются в понятие представительной демократии.

Но все же надежды на демократическое развитие связывались прежде всего с Египтом и Тунисом, где исламистские силы, такие как «Братья-мусульмане», определенное время позиционировали себя в качестве умеренных, просвещенных сил, выступающих с позиций либерально-демократического развития.

И здесь пример Турции казался эталонным в свете несомненных успехов демократизации, он связывался с правящей партией умеренных исламистов во главе с Р. Эрдоганом, добившейся к тому же впечатляющих успехов в экономическом и социальном развитии страны за период своего правления.

Появились казавшиеся весьма реалистичными надежды на то, что со временем эта модель умеренного исламизма может эволюционировать в системную консервативную силу, некий аналог христианской демократии итальянского или немецкого образца.

Однако дальнейшее развитие событий породило по крайней мере весьма серьезные сомнения в реальности подобной перспективы. Даже в этой умеренной модели исламизма выявились такие мотивы интерпретации политического ислама, которые вели к нетерпимости в отношении иноконфессиональных и секулярных сек-

торов общества, гендерной сегрегации и дискриминации. Эти тенденции никак не могли вести к консолидации общества, формированию единого поля политической культуры.

Уже оформившимся результатом этих тенденций стал наметившийся вектор раскола общества. Ирония истории здесь метафорически выразилась в названии площадей: тахрир превратился в таксим².

Первые признаки раскола общества появились еще зимой 2013 г. в Тунисе, когда исламистами был убит один из лидеров демократического движения, однако весьма важным и на определенный момент кульминационным пунктом стали события в Турции, которые, как в недавнем прошлом события «арабской весны», стали неожиданными и по своему размаху, и по своим последствиям: они обнаружили глубокую линию раскола общества на секулярную и исламистскую части, иначе говоря, на исламистов и кемалистов, сторонников ценностей, установленных во время правления Кемалля Ататюрка. Эта главная линия раскола обнаружила и другие: национальную – на турок и другие народности страны, прежде всего курдов, и конфессиональную – вскрылся не слишком замечавшийся ранее факт наличия десятиmillionной алавитской общины, что сыграло роль особого фактора в свете противоборства с Сирией, в котором Турция играет далеко не последнюю роль.

Впрочем, настоящей кульминацией раскола стал каирский Тахрир летом 2013 г., когда расхождение между египетскими секулярными силами и исламистами достигло точки невозврата, и армия стала на сторону секулярных сил, осуществив военный переворот в пользу последних³. Следует лишь отметить, что военный переворот, который, как очевидно, носил во многом превентивный характер, не отвел египетское общество от грани гражданской войны,

² Центральная площадь Каира ат-Тахрир, что означает «освобождение, свобода», стала символом египетской демократической революции. События, происходившие в Стамбуле в 2013 г., своим эпицентром имели площадь Таксим, что в переводе с арабского означает «раскол».

³ Примечательно, что, комментируя события в Египте, сирийский президент Башар Асад назвал их «крахом политического ислама» (см.: Смена... 2013). Оставляя в стороне понятную, но, возможно, излишнюю резкость высказывания сирийского президента, отметим все же: доля истины в его словах есть в том смысле, что устранение от власти «Братьев-мусульман» в Египте действительно продемонстрировало, что сомнения в перспективности исламистской парадигмы в качестве проекта социально-политического развития отнюдь не лишены оснований.

и ее сполохи бушуют в разных частях страны, унося человеческие жизни и угрожая принять тотальные масштабы.

Раскол уже вышел за национальные рамки отдельных стран и принял отчетливый региональный характер, грозя преодолеть теперь и рамки Ближневосточного региона.

Эпицентром регионального раскола оказалась, разумеется, Сирия. Видимым парадоксом сирийского конфликта стало то, что его регионализация и в известном смысле интернационализация привели к повороту в пользу существующего режима, носящему, возможно, стратегический характер.

Поначалу недовольство режимом здесь носило характер, едва ли сильно уступающий по своей глубине и размаху тому, который ранее отмечался в других странах, захваченных процессом «арабской весны». Однако зверства исламистов, их насилие по отношению к мирному населению привели к тому, что они постепенно стали восприниматься как чуждая, инонациональная сила значительной частью населения, причем не только алавитского и христианского, но и суннитского. Тем более что командирами группировок, активнее всего практиковавших насильственные действия, зачастую оказывались не сирийцы, а выходцы из других стран, в том числе и неарабских.

Именно это, на мой взгляд, оказалось главным фактором, обозначившим поворот во внутрисирийской борьбе, поскольку привело к постепенному росту авторитета армии и ее поддержки со стороны значительной части населения.

Другим фактором, способствовавшим перелому стратегической ситуации, стало то, что на вмешательство арабских и международных террористических сил, все больше носившее отчетливо конфессиональный, суннитский характер, последовал шиитский ответ, тоже начавший интернационализироваться. Прежде всего было замечено участие в сирийском противостоянии ливанской Хезболлы, затем последовало отправление Ираном в Сирию четырехтысячного отряда Корпуса стражей исламской революции (КСИР), то есть элитного гвардейского отряда иранских вооруженных сил.

Менее известно об участии Ирака в сирийском конфликте. Обычно в этой связи упоминается подразделение «Аль-Каиды» в Ираке, выступающее на стороне антиправительственных сил. Но внутрииракский конфликт, выплескивающийся теперь и на сирийскую арену, имеет вовсе не одну только суннитскую сторону. Более того, вовсе не сунниты, несмотря на террористическую активность

их наиболее экстремистски устремленных группировок, являются бенефициарами внутрииракского конфликта. Ответом на их террористические действия является неуклонно идущее выдавливание их из стратегически важных районов, включая и столицу страны.

Было бы по меньшей мере странным, если бы в этой обстановке, учитывая растущее шиитское доминирование внутри Ирака, включая и политические позиции в правительстве и парламенте, иракские шииты остались бы в стороне от сирийского конфликта. Они и не остались. Периодически поступающие сообщения свидетельствуют об их все более активном участии в боевых действиях в этой стране. Так, в конце июня министр иностранных дел Ирака Хошияр Забари сообщил об участии иракских шиитов в боевых операциях на стороне правительственных сил Сирии. Речь, скорее всего, идет об «Армии Махди» имама Муктады ас-Садра, бойцы которой по своей отваге и отчаянности вряд ли уступают лучшим ударным силам суннитских исламистов.

Иракское участие в сирийском конфликте на стороне правительственных сил не ограничивается участием отрядов М. ас-Садра, занимающего, как известно, особые позиции, далеко не всегда совпадающие с курсом премьер-министра Нури аль-Малики. Вместе с тем очевидно, что участие Ирана в сирийском конфликте, включая поставки оружия и направление своих ударных отрядов, вряд ли было бы возможным без согласования с Ираком, через территорию которого только и осуществимо то и другое. Одновременно поступают сообщения и о том, что Ирак непосредственно участвует в поставках вооружения сирийской армии.

Таким образом, вполне уместно говорить о реальном формировании шиитской оси Сирия – Ирак – Иран – Хезболла, которая является ответом на складывание суннитской оси Саудовская Аравия – Катар – Турция – радикальный исламистский интернационал. Причем тактический перевес, имеющийся и возможный стратегический вектор сейчас на стороне первой.

Из складывавшегося суннитского альянса выпал Египет, почти сразу же после того, как египетский президент предпринял решительные шаги к активизации своего участия в нем, выразившиеся, в частности, в разрыве официальных отношений с сирийским режимом, что открывало путь не только для легального участия в боевых действиях египетских боевиков, и так уже задействованных в конфликте, но и для организации дополнительного пути снабжения сирийских исламистов через египетскую территорию.

Это не значит, конечно, что египетские террористы прекратили участие в действиях в Сирии, но основные их силы будут задействованы теперь на египетской территории, признаки чего уже проявились в столкновениях исламистов с египетской армией на Синайском полуострове.

В весьма двойственном положении оказывается Турция, где значительная часть населения (причем не только алавиты, откровенно сочувствующие сирийскому режиму, но и значительная часть представителей основной конфессии) не разделяет политики поддержки правящим режимом сирийской вооруженной оппозиции.

Особое значение в этих условиях приобретает курдский фактор. У курдов теперь появились широкие возможности для реализации планов по объединению разьединенных страновыми границами курдских территорий. Практически три государства – Ирак, Турция и Сирия – в условиях происходящего противостояния полностью или почти полностью утратили возможность контроля над границами сопредельных курдских районов. Сирия практически отдала контроль над значительной частью пограничных с Турцией районов отрядам курдской самообороны. А учитывая тот факт, что восточная граница сирийского Курдистана практически открыта для перемещения иракских и сирийских курдов, а иракский Курдистан уже давно живет самостоятельной политической и экономической жизнью, лишь номинально входя в иракскую федерацию, то и линия контроля со стороны Турции над турецким Курдистаном оказывается легкопреодолимой через пограничные с Сирией территории.

В этом контексте на переговорах, которые турецкое правительство начало с курдским руководством по поводу возможной формы автономии и даже, возможно, федерации Курдистана и Турции, курды объективно оказываются в более выигрышном положении по сравнению с турецкой стороной, особенно учитывая при этом и последние события в самой Турции.

Расползание конфликта затрагивает не только все упомянутые страны, но также Иорданию, Израиль, Палестинскую автономию и прямо или косвенно почти все страны Аравийского полуострова и Персидского залива, за исключением на данном этапе разве что Омана.

Это превращает Ближний Восток вновь, как уже было не раз, в самый опасный регион мира, с той, однако, разницей, что еще ни-

когда в современной истории внутренний конфликт в регионе не был столь многомерен и труднопредсказуем по своим возможным последствиям.

При этом, говоря о многомерности данного конфликта, исследователи, как правило, упускают из вида еще одно немаловажное обстоятельство. Помимо государств, прямо или косвенно завязанных в этом уже обретшем четкие контуры регионального конфликте, роль самостоятельного и никому до конца не подконтрольного актора в нем приобрели и сами непосредственно участвующие в конфликте террористические группы, обладающие собственными каналами коммуникации, рекрутирования боевиков и, что немаловажно, собственными финансовыми ресурсами. Эти ресурсы складываются из следующих источников.

1. Освоенный еще У. бен Ладеном канал, основанный на традиционном исламском институте аль-хавала. Суть его в том, что отчисляемый правоверными мусульманами процент дохода на благотворительность, носящий с позиций религии обязательный характер, операционно осуществляется, как правило, анонимно, и наиболее распространенный способ такого отчисления – приношение денег в меняльные лавки. Суммы таких отчислений в общеисламском масштабе исчисляются миллиардами долларов. Во время своего пребывания в Афганистане в период борьбы против прокоммунистического режима и присутствия советских войск У. бен Ладену удалось организовать направление значительной части этого финансового потока на нужды джихада. Впоследствии этот канал продолжал использоваться «Аль-Каидой» и используется ее структурами до сих пор.

2. Деньги, предоставляемые различными исламскими фондами, прямо или косвенно связанными с террористической деятельностью.

3. Деньги, поступающие от реализации наркотиков из Афганистана и некоторых других мусульманских стран.

4. Деньги от другой криминальной и теневой деятельности.

5. Деньги, получаемые путем рэкета – вооруженного вымогательства у представителей бизнеса и коррумпированного чиновничества. В своей совокупности эти финансовые каналы представляют собой достаточный ресурс для организации террористической деятельности не только в местном, региональном, но и в глобальном масштабе.

В связи с этим финансовые средства и материальные ресурсы, прежде всего в форме различных видов вооружения, получаемые

террористическими группами от правительств определенных государств, например Саудовской Аравии и других стран Аравийского полуострова и Персидского залива, а также от Турции, разумеется, не лишние и играют свою роль, однако их отсутствие или ограничение не является для этих групп критическим, поскольку даже в случае введения эмбарго на открытую поставку вооружений этот барьер может быть достаточно легко преодолен путем выхода на нелегальный рынок поставки оружия, основным получателем которого в Арабском мире является Ливан. Кроме того, самостоятельным источником бесконтрольных поставок оружия стала территория Ливии после того, как значительные арсеналы оружия, находившиеся в распоряжении режима М. Каддафи, были разграблены террористическими группами и бедуинскими племенами.

Отсюда следует немаловажный вывод: разумеется, ряд государств региона, прежде всего упомянутые аравийские монархии и Турция, пытаются использовать террористические группы в Сирии и Ираке в своих интересах, однако их влияние на эти террористические группы, а тем более контроль над ними вряд ли стоит переоценивать. А это, в свою очередь, может означать, что соответствующие государства не только и не столько используют террористические группы для свержения неугодных им режимов, сколько пытаются направлять их энергию в такое русло, которое отвлекало бы их от действий на собственной территории.

Это отнюдь не предположение. Именно так действовали многие арабские режимы в недалеком прошлом, к примеру в период операции «Буря в пустыне» и в более поздний период в отношении территории Ирака, что позволило и Саудовской Аравии, и Иордании, и сирийскому режиму в период правления Хафеза Асада существенно снизить накал деятельности террористов на своей территории, прямо или косвенно вовлекая эти группы в террористическую войну в Ираке.

Такая ситуация позволяет поставить вопрос и о возможном более широком расползании конфликта, поскольку она порождает порочный круг зависимости безопасности государств от отвращения террористической деятельности от своей территории, перенаправляя ее на других, что в свою очередь способствует превращению террористической активности в постоянный фактор присутствия в регионе.

Сегодня в мире можно обозначить 5 конфликтных зон, из которых Ближний Восток является наиболее опасным, но не единственным регионом конфликта.

Второй зоной потенциальной опасности, все более грозящей превратиться в реальную, является регион Северной Африки, включающий арабские страны этого континента: от Египта и Судана на востоке до Марокко, Западной Сахары и Мавритании на западе. Практически все эти страны в той или иной мере были охвачены процессом «арабской весны». Некоторое время казалось, что ситуация в регионе начала вступать в полосу относительной стабилизации. Единственным исключением была Ливия, где обстановка полураспада государства создавала питательную среду для расползания терроризма и бесконтрольного распространения разных видов вооружения на сопредельные страны, о чем красноречиво свидетельствовал инцидент с захватом террористами значительной части территории Мали и распространением террористической опасности на территорию Алжира. Однако, казалось, подобная опасность может быть успешно локализована, а затем и устранена, что вроде бы было подтверждено успехом французской экспедиции и действий силовых структур Алжира. Ситуация в Мали была относительно стабилизирована после возвращения на родину основной части французского контингента уже силами национальной армии Мали при участии контингента вооруженных сил Африканского союза.

Однако изменение ситуации в Египте и, хотя пока и в меньшей степени, в Тунисе кардинальным образом меняет и общую обстановку в регионе, расширяя потенциал распространения конфликта практически на весь регион.

Третьей зоной конфликта является регион, расположенный к югу от Сахары. Южнее этой территории расположена обширная полоса, протянувшаяся от побережья Атлантического океана на западе до Красного и Аравийского морей на востоке, включающая более 20 стран, которую можно охарактеризовать как одну из наиболее обширных и опасных зон нестабильности современного мира. По сути, она включает ряд традиционно рассматриваемых регионов Африки – Западную Африку, часть стран Центральной Африки, страны Сахеля и страны Африканского Рога. Причем первые три региона настолько переплетены между собой, что нередко одни и те же страны по разным признакам включают в тот или иной регион. Так, традиционно Мали и Нигер рассматриваются как страны Западной Африки, хотя по другим признакам они относятся и к странам Сахеля. Более того, Чад, который, по сути дела, является самой восточной страной Сахеля, иногда также относят к кате-

гории стран Западной Африки. Камерун и ЦАР по определению рассматриваются как страны Центральной Африки, однако с точки зрения нашего ракурса рассмотрения их целесообразно включить в рассматриваемую зону.

Несомненно, отдельным регионом, непосредственно не соприкасающимся с другими частями рассматриваемой зоны, являются государства Африканского Рога, включающие в себя Эфиопию как традиционно доминантную в этом регионе страну, не так давно отделившуюся от нее Эритрею, а также Сомали и Джибути. Последние две страны входят в Лигу арабских государств (ЛАГ) и по этому признаку могут рассматриваться как элемент арабского региона (в частности, и в данной книге Республика Джибути уже рассматривалась в качестве составного элемента процесса «арабской весны»). Кроме того, регион Африканского Рога отделен от остальных стран рассматриваемой зоны территорией Судана, что также является аргументом в пользу его отдельного, самостоятельного рассмотрения. В то же время по ряду соображений, прежде всего по причине главенствующей роли в регионе Эфиопии, а также особого положения Сомали, включенного в ЛАГ отчасти по политическим и конфессиональным соображениям, а отчасти в результате волюнтаристского решения тогдашнего президента страны Мухаммеда Сиада Баре, но совершенно отличного от остального Арабского мира в этнолингвистическом отношении, и, кроме того, в силу сохраняющихся этноконфессиональных и других связей между Эритреей и рядом районов Эфиопии этот регион составляет не только самостоятельный по отношению к Арабскому миру конгломерат стран, но и испытывает то состояние перманентной нестабильности и подверженности ее дальнейшему усилению, которое и позволяет, пусть с известной долей условности, включить его в рамки рассмотрения анализируемой зоны нестабильности.

О том, насколько взрывоопасна ситуация в районе Африканского Рога, в первую очередь в Сомали, свидетельствует террористический рейд с территории Сомали в столицу соседней Кении. Результатом нападения террористов на крупный торговый центр Найроби стали, как известно, многочисленные жертвы среди иностранных покупателей и местного населения, включая близкого родственника кенийского президента. Основной костяк группировки составляли члены связанной с «Аль-Каидой» сомалийской группировки «Аш-Шабаб», хотя ее состав носил в целом интернациональный характер, включая выходцев из Великобритании и

США. В действиях террористов прослеживалась логика распространения ареала террористической войны на соседние немусульманские страны – та же самая, которая была характерна для террористических рейдов «Аль-Каиды» на территорию Кении и Сомали в конце 90-х гг. Однако если тогда основными целями террористов были посольства США, последний рейд в Сомали носил еще более осязаемый для общества африканских стран характер, будучи направленным против гражданского населения.

Следуя обозначенной логике, мы будем рассматривать указанную зону к югу от Арабского мира и к северу от более стабильных областей в качестве относительно единого региона, не избегая при этом отмечать и особенности ее частей, рассматриваемых в данном случае в качестве субрегионов.

Частью этой зоны конфликта, таящей в себе наибольший потенциал чрезвычайно опасного и не до конца предсказуемого развития событий, является район Сахеля, включающий прежде всего три страны, находящиеся в самом эпицентре этой зоны – Мали, Нигер и Чад. Это достаточно убедительно продемонстрировали малийские события 2012 – начала 2013 г., когда силы исламского джихада в союзе с племенами туарегов захватили большую часть территории страны и попытались создать на ней государственный очаг терроризма, подобный тому, который существовал в Афганистане в период правления талибов, несущий угрозу не только населению самого Мали, подвергнутому массовому террору, но и сопредельным государствам, что показала вылазка террористов на территорию соседнего Алжира.

Слабость и неустойчивость режимов во всех трех странах⁴, удобное географическое положение с точки зрения возможности бесконтрольного перемещения не только малых, но и относительно больших террористических групп, непосредственная близость к основным центрам исламизма в Северной Африке, соседство с другими африканскими странами, где идет процесс исламской экспансии, имеющий как объективные, так и субъективные черты, – все это превращает три вышеназванные африканские республики

⁴ Все три страны за годы независимости пережили целый ряд военных переворотов, волнений (в том числе Чад – длительную полосу гражданских войн, имевших племенной и этноконфессиональный оттенок), неудачных попыток осуществления демократических реформ, заканчивавшихся, как правило, очередным переворотом и переходом к авторитарному правлению, не приводившему, однако, к искомой в таких случаях устойчивости.

в соблазнительную мишень для террористической активности. К этому добавляется и возникший в результате «арабской весны» фактический распад ливийской государственности, повлекший за собой бесконтрольные потоки оружия, в том числе тяжелых вооружений, прежде всего именно в эти три страны, утрату государственного контроля за жизнедеятельностью арабо-берберских племен, родственных туарегам и другим этническим группам в странах Сахеля, что привело к их фактически бесконтрольному перемещению через и без того плохо контролируемые границы в условиях сахарской пустыни.

Малийский пример, кроме всего прочего, продемонстрировал и тот факт, что в этих условиях оказался возможным тактический союз кочевых племен Сахары с группами террористов, что создает в районе Сахеля ситуацию, близкую к той, которая сложилась по обе стороны разделяющей Афганистан с Пакистаном линии Дюранда, где сложился союз боевиков «Аль-Каиды» с воинственными пуштунскими племенами.

Расположенные к югу от Сахеля 16 стран континента, с запада на восток от побережья Атлантического океана – Сенегал, Гамбия, Гвинея-Бисау, Гвинея, Сьерра-Леоне, Либерия, Кот-д'Ивуар, Буркина-Фасо, Гана, Того, Бенин, Нигерия, Экваториальная Гвинея, Камерун, Габон и ЦАР – представляют собой непосредственно следующий эшелон воздействия реальных и потенциальных событий, разыгрывающихся в районе Сахеля.

Все это небольшие по территории страны, в основном малые и средние по размеру населения, за исключением крупнейшего африканского гиганта – Нигерии, насчитывающей более 100 млн жителей. Уже в силу данного обстоятельства – малочисленности населения и, соответственно, вооруженных сил – большинству этих государств трудно противостоять вооруженной внешней экспансии, что косвенно показал пример Мали, но далеко не только он. Дело, однако, не только в этом.

Главная политическая проблема, на наш взгляд, заключается в крайней неустойчивости политических режимов, и это касается почти всех стран региона, не исключая и Нигерии.

Оазисами политической стабильности в регионе выглядят разве что Сенегал, Гана, Габон и Камерун, являющиеся, по африканским меркам, странами устойчивой демократии. Однако и среди этих стран лишь в Габоне политическая стабильность наблюдается с конца 1960-х гг., в Камеруне в 1980-е гг. произошла относительно

безболезненная смена режима, и вся его современная история не сопровождалась сколь-нибудь заметными волнениями и столкновениями на племенной, этнической и конфессиональной почве. Относительно спокойным было и политическое развитие Сенегала в период правления и некоторое время после смерти его первого национального лидера Леопольда Сенгора. Однако начиная с 1980-х гг. заявила о себе вооруженная оппозиция в лице Движения демократических сил Казаманса, вставшая на путь вооруженной борьбы с существующим режимом.

В Гане после отстранения от власти первого президента страны Кваме Нкрумы произошла череда военных переворотов, прежде чем была достигнута политическая стабилизация и установился демократический режим, начиная с 1990 г.

Однако устойчивость политических режимов в этих странах, разделенных между собой целым рядом государств (из перечисленных стран только Камерун и Габон являются соседними), является весьма относительной в общерегиональном контексте, поскольку они окружены целым морем нестабильности этого взрывоопасного региона.

Действительно, хотя во многих странах региона наметилась определенная тенденция к демократизации, которую на первый взгляд можно было воспринять как целую волну перехода к демократии в таких странах, как Либерия, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Того, Бенин (причем эта волна демократизации произошла раньше, чем «арабская весна»), положение во всех этих странах сохраняет крайнюю неустойчивость, все помнят череду военных переворотов, гражданских войн, межплеменных, этнических и конфессиональных конфликтов, которые сотрясали эти страны в минувшие десятилетия, и основы для их возможного возобновления в целом ряде стран до сих пор не устранены.

Казалось бы, Нигерия с ее самым многочисленным в регионе и на континенте населением, природными богатствами и относительно развитой промышленностью могла бы, подобно ЮАР, претендовать на то, чтобы стать подлинно доминирующей державой и локомотивом политического развития в регионе. Однако этого не происходит, поскольку она фактически разделена по этноконфессиональному принципу, сотрясаема постоянными конфликтами на этой почве, что сохраняет крайнюю напряженность и неустойчивость политического режима.

С точки зрения региональной устойчивости регион Африканского Рога в целом представляется несколько более стабильным,

чем описанная выше основная часть зоны региональных конфликтов. В значительной мере это происходит за счет ключевой роли в регионе Эфиопии. Это было неоднократно продемонстрировано ролью эфиопской армии в событиях в Сомали, последний раз в 2006 г., когда вооруженные силы Эфиопии сумели достаточно эффективно подавить вооруженные формирования террористов из Союза исламских судов (СИС) и оказать решающую поддержку переходному правительству, которое утвердило свою власть в столице, опираясь на эфиопские оккупационные силы. И хотя это не смогло окончательно стабилизировать положение в стране, где до сих пор продолжают царить безвластие, противоборство различных исламистских группировок и фактическая раздробленность, дамоклов меч эфиопской армии над Сомали остается чуть ли не единственным фактором, который в перспективе может способствовать установлению там стабильного политического порядка.

Доминирующей силой является Эфиопия и по отношению к другим государствам региона – Эритрее и Джибути. Отделившаяся от Эфиопии в 1993 г. Эритрея находится под авторитарным управлением бессменного президента и лидера единственной легальной партии «Народный фронт за демократию и справедливость» Исаяса Эфеворки. Одной из отличительных черт подобного типа авторитаризма является предъявление территориальных претензий и агрессивное поведение в отношении соседних государств. В разное время эритрейское руководство начинало пограничные войны с Йеменом и Эфиопией и оба раза терпело в этих конфликтах поражение. Война с Эфиопией, длившаяся 2 года (с 1998 по 2000 г.), носила особенно разрушительный и кровопролитный характер. Победа Эфиопии в этой войне лишней раз продемонстрировала безальтернативность военно-политического превосходства Эфиопии над всеми остальными странами региона. Доминирование Эфиопии обеспечивается также и демографическим фактором: это вторая по численности страна Африки с населением, превышающим 80 млн человек.

Относительная политическая стабильность Эфиопии, очевидно, связана с тем фактором, что после свержения в 1991 г. ставшего одним из наиболее одиозных на континенте режима Менгисту Хайле Мариама, сопровождавшегося унесшей многочисленные жизни гражданской войной, имевшей, кроме всего прочего, межэтнический и межконфессиональный оттенок, стране постепенно удалось войти в рамки относительно нормального политического

процесса. Сегодняшний политический режим в стране можно в целом охарактеризовать как смешанный, с элементами как демократических процедур, так и авторитарных методов управления. Однако на фоне авторитарных режимов в Эритрее и Джибути и экстремистского разгула в Сомали этот режим выглядит как наиболее демократичный в региональном контексте.

Таким образом, обстановка в регионе в значительной, до определенной степени решающей, мере будет зависеть от развития внутренней ситуации в Эфиопии, а она все же далека от устойчивой стабильности. Межэтнические и межконфессиональные отношения продолжают оставаться напряженными, корни противоречий на этой почве далеко не устранены. Происходят спорадические волнения на социальной и политической основе. Все это может стать питательной почвой для воздействия того регионального исламистского фона, который имеет определенным эпицентром Сомали, связан с поддержкой и подпиткой СИС со стороны Эритреи, исламистскими импульсами, исходящими из соседнего Судана, на внутреннюю обстановку в Эфиопии, свыше 30 % населения которой составляют мусульмане. Именно при таких обстоятельствах полоса нестабильности, протянувшаяся с побережья Атлантического океана через район Сахеля и лежащих к югу от него стран, может замкнуться через суданскую территорию на район Африканского Рога. Принципиально новая опасность разрастания конфликта в этом регионе заключается в его возможной тотализации и превращении конфессионального фактора в главный источник конфликта.

Четвертой зоной конфликта является афгано-пакистанский регион с эпицентром в районе Вазиристана, расположенным по обе стороны линии Дюранда, обозначающей официально установленную, но практически не контролируемую никем, кроме воинственных пуштунских племен, напрямую связанных с «Талибаном» и «Аль-Каидой». Несмотря на многолетние усилия оккупационных войск стран НАТО совместно с правительственными войсками Афганистана, им удалось лишь на время приглушить, но отнюдь не подавить этот очаг конфликта, и он неминуемо вспыхнет с новой силой после вывода коалиционных сил из Афганистана в 2014 г.

Эта перспектива развития ситуации была совершенно четко отмечена на совещании ОДКБ весной 2013 г. Причем очевидно, что одной из главных тенденций развития этого конфликта станет его

распространение на страны Центральной Азии⁵, что также затронет интересы сопредельных государств – России, Китая, Ирана и Закавказья. Будут также затронуты интересы Индии в связи с общим возрастанием террористической опасности в регионе.

Наконец, пятой зоной конфликта стал в последнее время Тихоокеанский регион в связи с обострившимися пограничными конфликтами, связанными главным образом с районами спорных островов, между Китаем и практически всеми его соседями, расположенными вдоль побережья Тихого океана, – Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Вьетнамом. Это единственная конфликтная зона, не связанная напрямую ни с исламским миром, ни с теми последствиями «арабской весны», которые вызваны усилением фактора политического ислама и возникновением благоприятной обстановки для активизации террористической деятельности радикальных исламистских группировок⁶. Вместе с тем и здесь можно выявить определенную связь, которая заключается в том, что, учитывая завязанность мировых держав, прежде всего США и союзных с ними стран НАТО, в исламском регионе, Китай, очевидно, попытался использовать изменившееся в этом контексте соотношение сил для решения своих региональных проблем с использованием фактора угрозы военной силы.

Кроме того, постоянным конфликтогенным очагом здесь продолжает оставаться Корейский полуостров, последними подтверждениями чего стали ракетные запуски КНДР в 2013 г. и обострение пограничной обстановки между двумя корейскими государствами летом этого же года.

Справедливости ради надо, однако, отметить, что в осенние месяцы 2013 г. наметилась тенденция к снижению уровня напряженности в регионе, что выразилось, в частности, в разблокировании КНДР своей части демилитаризованной зоны и возобновлении работы совместных предприятий с использованием северокорейских рабочих на территории Республики Корея, а также в китайско-вьетнамских переговорах на уровне премьер-министров в октябре 2003 г., на которых была достигнута договоренность о намерении сторон решать территориальные вопросы путем переговоров. Кроме того, появились сообщения и о неофициальных переговорах между КНР и Японией на данную тему. Это дает основания наде-

⁵ Подробный анализ ситуации в Центральной Азии был дан в предыдущем выпуске «Мониторинга» (Акаева и др. 2013). – *Прим. отв. ред.*

⁶ На момент написания данной статьи. – *Прим. отв. ред.*

яться, что развитие упомянутой тенденции могло бы в перспективе позволить не включать данный регион в число регионов конфликта, однако на сегодняшний день конфликтный потенциал здесь все еще продолжает оставаться достаточно высоким.

За исключением этого особого случая регионального конфликта все остальные конфликтные зоны прямо соприкасаются друг с другом, поэтому дальнейшее расползание конфликтов в этих зонах грозит превращением всего обширного пространства от западных границ Индии до Атлантического океана практически в единый конфликтный узел. Такая угроза приобретает уже глобальный характер, чреватый самыми серьезными последствиями для судеб всего человечества.

Библиография

- Акаева Б. А., Коротаяев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013. (Ред.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 4. Ч. 2. *Центральная Азия: новые вызовы*. М.: ЛЕНАНД/URSS.
- Гоним В. 2012. *Революция 2.0*. СПб.: Лениздат.
- Коротаяев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012. (Ред.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 3. *Арабская весна 2011 года*. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаяев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2013. (Ред.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 4. Ч. 1. *Арабский мир после Арабской весны*. М.: ЛЕНАНД/URSS.
- Ленин В. И. 1967. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. Т. 34. М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Смена власти в Египте: реакция мирового сообщества. *Новостной портал Mail.ru*. 2013. 04.07. URL: <http://news.mail.ru/politics/13772503/>.
- Труевцев К. М. 2011. *Год 2011 – новая демократическая волна?*: препринт WP/14/2011/05. М.: ВШЭ.
- Труевцев К. М. 2012. «Арабская весна»: ход, акторы, технология, промежуточные результаты. *Полития* 1: 21–32.